

**ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ
НЕУВЕРЕННОСТЬ КАК ОБЪЯСНЕНИЕ СПЕЦИФИЧЕСКОЙ ФОРМЫ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ ЭЛЬЧИНА
«КАРАБАХСКОЕ ШИКЕСТЕ»)**

Гафар Гусейнов, д-р филол. наук, старший преподаватель
Азербайджанский государственный педагогический университет
(Азербайджан, г. Баку)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-71-76

***Аннотация.** В статье рассматривается одно из современных произведений известного азербайджанского писателя Эльчина. Прослеживается наполнение текста с историческими мотивами релятивистскими картинками жизни беженцев. Обращается внимание на сплав текста характера соцреализма и современных постмодернистских приёмов. Делается вывод о характере такого рода текста.*

***Ключевые слова:** соцреализм; постмодернизм; постмодернистская чувствительность; эпистемологическая неуверенность; кризис веры; гражданственность; реализм; модернизм; Шуша.*

Современный художественный текст воплощает в себе самые разные эстетические установки, что, естественно, порождает разные подходы при анализе и интерпретации текста.

Целью данной работы является проследование использования в тексте таких постмодернистских понятий как постмодернистская чувствительность и эпистемологическая неуверенность в произведениях известного писателя Эльчина – представителя художественного направления социалистический реализм.

Предметом исследования является повесть «Карабахское шикесте» известного азербайджанского писателя Эльчина.

Известно, что постмодернистская чувствительность – это понятие постмодернизма, обозначающее «специфическую форму мироощущения и соответствующий ей способ теоретической рефлексии, характерные для научного мышления современных литературоведов постмодернистской ориентации» [Киреева; с. 200]. Из разного рода явлений постмодернистской чувствительности в анализируемом произведении ярче всего проявляется «ощущение мира как хаоса, где отсутствуют какие-либо критерии ценностной и смысловой ориентации» [Киреева; с. 200].

Эльчин, один из ярких представителей азербайджанской литературы 70-х годов XX века, эпохи господства социалистического реализма, сумел не только показать в своем произведении, написанном уже в двухтысячные, признаки соцреализма, но и развенчать их. Он дал пример изображения героев постсоветского периода, не только не прикрепленных к одному какому-то общественному строю, но и с отрицанием какого-либо идеологического сознания, что и дает возможность рассмотреть повесть «Карабахское шикесте» с призм разных форм постмодернистского исследования.

Прежде всего текст Эльчина, обычно мягкий, полный иронии, глубокой философской задумки, отличается какая-то агрессивность: тема беженцев выворачивается наизнанку не только в плане социальных проблем, но и какого-то «продвижения» – не понятно в какую сторону – ума и поведенческой морали героев.

Эльчин попытался сконструировать особую модель психологии беженцев, которые, естественно, в силу обстоятельств, потеряли тот моральный облик, которым обладали до такой, не побоимся этого слова, страшной жизни в пятиэтажном бузовнинском рабочем общежитии. А общежитие-то какое! Эльчин жизнь жителей общежития называет ва-

ландайством, что особо подчеркивает жестокую участь людей, живших когда-то, лет десять-одиннадцать назад в кавказском Париже – Шуше.

«Общежитие было полностью предоставлено беженцам. И семейство Джуму, шесть человек, ютились в комнате на пятом этаже, на шестнадцати квадратных метрах. Дверь этой комнаты, как и других, открывалась в длинный коридор, где хоть не дыши от едкого запаха хлора, исходившего из туалетов по обоим концам; женщины с этажа днем и ночью поливали их хлоркой, чтобы смрад и вонь не заполнили всё обиталище. Уже во всяком случае, запах хлорки был сносе, и ладно еще, что хлор в этих краях был задешев» [Эльчин; с. 7]. По данному примеру можно говорить и о применении в анализе такого исследовательского приема как эпистемологическая неуверенность, которая предполагает кризис веры во все ранее существовавшие реалии. А реалии, связанные, скажем, с хлором, были таковы, что еще в советское время в Азербайджане «мощно» развивалась химическая промышленность, в особенности в Сумгаите. Еще далеко до пределов города можно было чувствовать невыносимо тяжелый едкий запах химических отходов, с легкой руки советских предпринимателей, выбрасывавшихся в окружающую среду, в данном случае в сам многотысячный город и пригороды его. Спустя десятилетия чувствуется этот запах, который разрушал организмы не одного поколения сумгаитцев и живущих по соседству тысяч и тысяч людей. Жестоко ироничное «хлор в этих краях был задешев» Эльчин не пытается объяснить, потому что искушенному читателю этот запах напоминает о многом, в том числе и об издержках советской действительности, которая в современной литературе (произведения А. Битова, Н. Расулзаде, В. Ерофеева, З. Гареева и мн. др.) дана как сюжетный слой, скрытый, точно выразимся, в открытом пародировании.

Отметим, что эпистемологическая неуверенность возникает в постмодернистской мысли в связи с проявлением кризиса веры в лучшее будущее. Как отмечают исследователи, «постмодернистская мысль в конечном итоге пришла к заключению, что всё, принимаемое за действительность, на самом деле не что иное, как лишь представление о ней, зави-

сящее к тому же от точки зрения, которую выбирает наблюдатель и смена её ведет к кардинальному изменению самого представления» [Киреева; с. 203]. В этом отношении позиция Эльчина, как писателя, полностью дает возможность читателю понять, как сложно человеку раздваиваться (а героям повести, так и приходится быть в таком состоянии. – Г.Г.) под тяжестью воспоминаний и той реальностью, в которой они оказались, поселившись на долгое (!) время жить в эту бузовнинскую обитель, состоящую из длинных коридоров, маленьких, раскольнического плана, комнатшек с вонючими туалетами, где истинный человеческий облик героев отражался в «паршивых ржавых зеркалах» непонятными лицами. Эльчин выступает мастером полностью противоположных картин, отражающих жизнь обычных людей «до и после» жизни. Главная потеря для беженцев – Шуша, которая, наверное, была символом всего, что можно обозначить этим словом. «Да и не будь у него (У Джуму. – Г. Г.) ни кола, ни двора, ни прочего добра, – ведь Шуша-то была, разве мало этого!» При этой мысли у него перед глазами оживали не только старинные кварталы, дома, сады, окрестные поляны, кручи и скалы Шуши, перед взором его чередой всплывали лесное урочище Топхана, раздолье Джыдыр-Дюзю, скала Эрим-гялди, родники Иса-булага, целебный Турш-су, Секили-булагы; вспоминалась ему не только родная махалля Агадедели, где родился и проживал всю жизнь, перебирал в памяти чуть ли каждое дерево, валун, даже заросли ежевики, карабкавшиеся по стремнинам, старых знакомцев, родные подробности. И порой сам диву давался, каким образом эти камни, эти деревья, эти кусты запечатлелись в его памяти с такой обстоятельной точностью» [Эльчин; с. 6].

На фоне этих воспоминаний, которыми хоть иногда грелась душа Джуму, автор не затягивает и возвращение к реалиям жизни: страшная, повторимся, жизнь беженцев, неустроенность которых вроде бы (!) интересовала международные организации, которые хотя бы раз в год посылали своих комиссаров узнать про житье-бытье беженцев.

Вроде бы!

А толку?!

Эльчин как бы специально отправляет с очередной инспекцией человека, чья мать была из Красной Слободы, что в Кубинском районе Азербайджана (в повести это селение дано под названием Красный – Г. Г.). Как говорится, одним выстрелом комиссар хочет узнать и о жизни беженцев, и посетить селение, где большую часть жизни провела её мать, Зиба, которая, даже умирая, не забывала произносить Слова Гачреш, Гудьял-чай, Красный.

На фоне приезда комиссара в стане беженцев нервное состояние: надоели эти враки международные своими обещаниями. Эльчин очень точно передает разговор беженок, наверняка, такой же, каким были разговоры по поводу инспекций жизни беженцев по всем местам размещения более миллиона беженцев и вынужденных переселенцев, что жили в каждом регионе Азербайджана. То есть беседа типичная, характеризующая рефлексии мировидения беженцами, что также составляет один из приемов постмодернистской чувствительности:

«Хадиджа, вдова Колхоз-киши (были встарь и такие имена), сказала:

- Послушай, говорят, опять комиссия из-за границы пожалует.

- Да провались они со своей комиссией! Какой прок от них? Что они до сих пор сделали, чтобы ждать от них чего-то ещё? – так отвечала жена Мамеда-киши, Сурайя-ханум.

И другие беженки подключились:

- Пусть они поживут в наших условиях, денечек, тогда поглядим» [Эльчин; 8].

И далее, беседа комиссара с теми же беженками, где уже бросается вызов всем международным организациям, связанным с урегулированием конфликта в Карабахе: «Изабель-ханум, дочери Зибы из Кубы, пришлось выслушать главное требование беженок, это, опять же, сказано было Эльчином от имени миллиона беженцев:

«Жена Мамеда-киши, Сурайя-ханум, наплевав на наказания иных столоначальников – «будьте учтивы с иностранными гостями», - в коридоре второго этажа преградила путь высокой рыжеволосой барышне – Изабель Ханукофф (дочери Зибы. – Г.Г.).

- Послушай, – сказала она, ничего нам не нужно. И гуманитарной помощи не надо! Ничего мы не хотим! Только верните нам Шу-

шу! И когда переводчица стала озвучивать ультиматум Сурайи-халы, та вытащила Галиба, сынишку Джуму, за руку из стайки ребят, прибежавших поглазеть на очередную заграничную гостью. – Вот он не видел Шушу! Здесь родился! Его родина – вот это общежитие! А какая родина может быть из общежития? Общежитие – разве родная земля? – Потом, протянув руку в открытое окно и указывая на Мамеда-киши, сидевшего на скамейке под маслиной, сорвалась на крик, будто Шушу захватили не армяне, а эта долговязая рыжая барышня. – Вон, гляди, мой муженек вот уже десять лет день-деньской сидит там, сам с собой разговаривает. Был мужчина как скала! Пушкин не свалить было! – И вскричала ещё истощеннее: – Верни нам Шушу! Шушу! Шушу!» [Эльчин; с. 14].

Эльчин, устами своих героев, допускает только лишь одну мораль, одну модель, основанную на максимальной энтропии – возвращение беженцев в места исторического проживания. Другого пути, средств для заживления ран, как физических, так и моральных, у беженцев бузовнинского общежития нет.

Может быть отсюда и фрагментарное повествование, на котором построено произведение Эльчина: разделенная на две сюжетные линии и поданная в 24 главах, повесть это поражает недосказанностью, обилием многих начинаний, которым нет конца в силу того, что, конец-то, вероятно только в случае возвращения беженцев. На протяжении всего повествования чувствуется, что автор на многом хочет остановиться подробно, но не может.

Не может, потому что обстоятельное описание жизни беженцев, живущих мысленно, а не физически, привело бы читателя к пониманию сложностей жизни с кризисом веры во все существовавшие моральные ценности.

Получается, что автор растворен в тексте. Он не может выполнить только лишь эстетическую функцию. Еще М.М. Бахтин писал, что «автор должен находиться на границе создаваемого им мира как активный творец его... Автор авторитетен и необходим для читателя, который относится к нему не как к лицу, не как к другому человеку, не как к герою, а как к принципу, которому нужно следовать» [Орлова; с. 11]. В этом отношении авторские сентенции в данной повести выделяются больше, чем движение мыслей героев.

Исходя из такой позиции в повести ставится довольно жесткий вопрос: «Имеют ли право на жизнь без родины герои, ставшие волею судьбы и указкой политиков беженцами?»

Отметим, что вопрос, конечно же, уместный, ибо во многом герои потеряли всё то, что составляет нормальный образ жизни. Изображая в абсолютном большинстве негативное, Эльчин как будто стремится дать возможность читателю ощутить себя в роли беженца, почувствовать, как зло одолевает добро и никакого счастливого сказочного конца в этой жизни бузовнинского общежития и не видать.

Изображая на фоне событий, которые пережили жители бузовнинского общежития кардинальные особенности переломного момента в истории своей страны, Эльчин хочет показать, что праведника-то уже нет, ни один из героев повести не может претендовать на это звание, а что за общество – маленькое или большое – без праведника?! Нет даже намёка, который указывал бы на возможность «нравственных утопий». Очень жгуче, с жалостью и печалью автор показывает сцену, когда герои повести – Джуму и его жена Сона, за неимением возможности интимных отношений дома (в шестнадцатиметровой квартире, кроме них, живут мать Джуму, старшая сестра Соны Солмаз и двое детей – Галиб и Джамиля – Г. Г.), решают заняться этим во вроде бы безлюдной скалистой местности. Невозможно читать без волнения эти строки: читатель с трудом поверит в то, что такое происходит в двухтысячные, хотя отношение к этим героям при общей положительной доминанте не может не вызывать какой-то неприязни: «Однажды в конце мая, ещё до начала купального сезона на Апшероне ... Джуму, усадив Сону в кузов мотороллера, повез её к скалам у моря, и там, расстегивая пуговицы на её выцветшем до неопределенной окраски платье, осыпая её поцелуями, снова стал клясться-божиться, что все образуется, всё будет хорошо, что он бросит пить, что больше никогда не будет привозить её сюда, в эту пустошь, и тут, откуда ни возьмись, то ли с неба, то ли из-под земли вырос перед ними пожилой мужчина, местный житель; напоровшись на них, сперва опешил, потом пришел в себя.

«- Послушайте! – сказал он. – Вы же не собаки! Не кошки! Вы же люди! Человеки!..

Сона, запихивая грудь под платье, вскочила и кинулась к мотороллеру, бухнулась в кузов, зашлась плачем, взвыла:

- Мы не люди! Не люди мы! Мы беженцы!.. Беженцы!.. Беженцы!.. Беженцы!..» [Эльчин; с. 12].

Отметим, что в данном случае хаос жизни воссоздается через конкретную ситуацию, где-то даже искусственно. Ради чего? Скорее, ради понимания того, что действительность, в которой всегда были романтические нотки, в данном случае, когда Эльчин, в противоречиях между реализмом, социалистическим реализмом и постмодернизмом пытается найти какую-то общую отправную точку, но не находит. Но действительность такова, что говорить об этом просто невозможно. Эльчин, не только как писатель, но и как видный общественный деятель сам видел невыносимые условия, в которых пребывали беженцы в 90-е, начале 2000-х годов. Правда в данном случае не очень-то подходящее Слово. Скорее, вовсе не подходящее.

Действительность, с которой столкнулись сотни тысяч людей вряд ли могла оставить в них какие-то патриархальные устои жизни. Да и какая жизнь, если человек день и ночь думает не о хлебе насущном, а о том, когда ему удастся вернуть ставшие для него обетованными земли. Именно в такого рода людях образовался особый типологический ряд характера, где самые важные человеческие качества притупляются перед неимоверно богатой фантазией возвращения в родную сторону, что, наконец-то и произошло, но гораздо позже.

Эльчин в данном произведении использует одну из важных особенностей социалистического реализма – принципиальную гражданственность. Еще известный советский теоретик литературы Г.Н. Пospelов, различая принципы реализма XIX века и модернизма, и социалистического реализма, и ставя принцип гражданственности во главу угла отмечал, что противоречия эпохи в реалистических и модернистских произведениях отражались «чаще всего лишь в своих симптомах – в идейных исканиях особенно вдумчивых и чутких представителей разных слоев общества», то литература социалистического реализма «кладёт в основу своих произведений прямое и непосредственное изображение основных и

глубочайших противоречий общественной жизни» [Поспелов; с. 314].

Думается, что Эльчин, как один из представителей социалистического реализма, господствовавшего почти на протяжении всего XX века, не мог не понимать тех глубочайших противоречий, которые и привели к появлению и «долгожительству» понятия Беженцы.

Еще один важный момент, связанный с эпистемологической неуверенностью, также связанный с представлением жизни беженцев, но уже в плане приятия действительности как таковой, потому что она, связана с линией повести, где говорится о том, как комиссар по делам беженцев Изабель Ханукофф стремилась попасть именно в Азербайджан. На беженцев она насмотрелась по всему свету – от Сомали до Балкан, но она стремилась в Азербайджан, чтобы увидеть те загадочные места в Кубе, где родилась и выросла её мать. «За три дня командировки в Азербайджане она успела побывать в нескольких регионах, в палаточных лагерях беженцев, отдельных населенных пунктах и всякий раз при виде убогого быта, скудного существования матерей-беженок, детей, стариков Изабель невольно соотносила эти впечатления с тихой безмятежной жизнью на берегу Женевского озера, напоминавшей нечто вроде фильмов Джорджа Лукаса, – жизнь на другой планете, иной цивилизации ...» [Эльчин; с. 14]. Комиссар

настолько «увлечена» своей работой, что не может, а может быть, и не хочет понять, что она не просто должна обходить палатки беженцев, не только дарить какие-то духи. Она обязана понимать ситуацию, в которой оказались беженцы, и Эльчин старается пробудить хоть как-то в ней интерес к своей работе(!) прежде всего. Очень интересно это показано в тексте, когда, она, собираясь посетить и Бузовнинское общежитие, совсем забыв о реалиях, спрашивает: «- Сегодня – день воскресный. Мы не побеспокоим их?» Чиновник, низкорослый, худой, загорелый, наверное, от частых летних поездок по лагерям и городкам, недоуменно уставился на гостью и ничего не ответил. Изабель почувствовала, что он просто не нашёлся, что сказать: она почувствовала и то, что щеки её заливаются краской от стыда за идиотскую бестактность вопроса» [Эльчин; с. 14].

Отметим, что в данном произведении подвергаются трансформации идеи социалистического реализма. Старое представлено в повести Эльчина исчерпанным, а разгул деидеологизации говорит о своего рода модернизации интерпретации идей соцреализма с новым восприятием одного из основных его принципов – гражданственности. Что и дает возможность говорить об уместности использования в данной повести постмодернистских приёмов.

Библиографический список

1. Эльчин «Карабахское шикесте» // Литературный Азербайджан. – 2014. – № 6.
2. Поспелов Г.Н. Теория литературы. – М.: «Высшая школа», 1976.
3. Киреева Н.В. Постмодернизм в зарубежной литературе. – М.: «Флинта – Наука», 2004.
4. Сизых О.В. Поэтика русского рассказа конца XX – начала XXI веков. – М.: «Флинта», 2021.
5. Орлова Е.И. Образ автора в литературном произведении. – М.: «Флинта», 2023.

**POSTMODERN SENSITIVITY AND EPISTEMOLOGICAL UNCERTAINTY
AS AN EXPLANATION OF THE SPECIFIC FORM OF A LITERARY TEXT
(BASED ON THE MATERIAL OF ELCHIN'S NOVELLA "KARABAKH SHIKESTE")**

Gafar Huseynov, *Doctor Philological Sciences, Senior Lecturer*
Azerbaijan State Pedagogical University
(Azerbaijan, Baku)

***Abstract.** The article examines one of the contemporary works of the renowned Azerbaijani writer Elchin. It traces the incorporation of historical motifs and relativistic depictions of the lives of refugees within the text. Particular attention is paid to the fusion of socialist realist characteristics with contemporary postmodern techniques. The study draws conclusions about the nature of this type of text.*

***Keywords:** socialist realism; postmodernism; postmodern sensibility; epistemological uncertainty; crisis of faith; civic consciousness; realism; modernism; Shusha.*